

ВДОХНОВЕННЫЙ РОМАНТИК ТЕАТРА

Скоро общественность нашей республики будет широко отмечать 100-летие со дня рождения выдающегося поэта-драматурга Гусейна Джавида. В принятом ЦК КП Азербайджана постановлении подчеркивается большое значение его творчества, значительный вклад Г. Джавида в развитие национальной литературы и театрального искусства.

Автор написанных с впечатляющей художественной силой пьес «Иблис», «Шейх Санан», «Князь», «Хайям», «Сиявуш» и других, Гусейн Джавид истово служил театру. На созданных им образах воспитывалась целая плеяда деятелей сценической культуры не только в нашей республике, но и в Тбилиси, Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде...

Сегодня мы предоставляем слово ветерану азербайджанского театра, народному артисту республики режиссеру Алескеру ШАРИФОВУ.

С ГУСЕЙНОМ ДЖАВИДОМ я впервые познакомился в 1921 году. Я тогда был студентом театрального техникума, а Джавид преподавал нам литературу. С удовольствием слушая лекции человека, многие произведения которого мы хорошо знали, я все же не предполагал, что скоро мне доведется воплощать драматургию учителя на сцене.

На третьем курсе техникума меня зачислили актером в труппу Азербайджанского государственного драматического театра. Когда спустя некоторое время там приступили к постановке пьесы Гусейна Джавида «Шейх Санан», я получил роль грузинского парня Антона, влюбленного в дочь князя, Хумар. Это были только первые шаги в моем постепенном многолетнем постижении глубин творчества Джавида.

В 1926 году по рекомендации главного режиссера нашего театра народного артиста республики А. Туганова я был командирован на учебу в Москву, в Государственную экспериментальную мастерскую В. Э. Мейерхольда. После ее окончания я вернулся в родной театр режиссером. И судьба вновь счастливо свела меня с драматургией Гусейна Джавида.

Моей первой самостоятельной работой стал четвертый акт пьесы «Шейх Санан», постановка которой осуществлялась содружеством четырех режиссеров: Рза Дараблы, Исмаила Идаат-заде, Рза Тахмасиба и меня. Каждому из нас было

поручено ставить по одному действенно пьесы. Тогда, при детальном изучении материала, и открылась мне сила этой волнующей поэмы о любви и человеческом достоинстве. Образ Санана, созданный Джавидом с подлинным вдохновением, давал большие возможности для поиска ярких сценических решений.

Сложная задача стояла перед нами — показать во всей многогранности человека, которого положение шейха обязывало пропагандировать религию, а любовь заставила поинимому взглянуть на мир; словно плену сняла с его глаз. Встреча с Хумар привела Санана к отречению от религиозных догм, которым он до этого служил. Любовь бессмертна, над ней не властны ни расовые, ни религиозные предрассудки, утверждал своей пьесой Гусейн Джавид, и поэтому даже гибель героев при всей трагичности несла в себе ноту оптимизма. Ведь Санан и Хумар уходили из жизни, протестуя силой своих чувств против всего, что этой жизни мешало быть светлой, радостной, счастливой, против всего, что разобщало людей.

Работать над пьесой было очень интересно, но я чувствовал неудовлетворенность финальным монологом Санана. Мне хотелось, чтобы в нем сильнее было выражено его отношение к тем религиозным предрассудкам, которые подавляют человека, опустошают его духовный мир. Однажды

после репетиции я поделился этим с Гусейном Джавидом. Он внимательно выслушал меня, задумался, а потом, улыбаясь, спросил: «Ты хочешь сделать Санана комсомольцем?»

Я смутился, но снова подтвердил свое желание подчеркнуть в любимом герое то, что считал в нем самым главным. Гусейн Джавид обнял меня за плечи, и мы пошли к выходу. Прощаясь, он сказал: «Буду завтра на репетиции. Постараюсь принести тебе кое-что».

На следующий день он передал мне записку. В ней я нашел то, что мне было нужно: в финальном монологе Санана теперь острее и убедительнее прозвучала сила его обновленного духовного мира, в котором больше не было места религии. В монологе появились страстные строки:

Хватит, убирайтесь,
великий создатель,
берите, пусть вашими будут
Евангелие,

Псалтырь и Коран.
И веры, и секты —
от них только смрад,
они лишь раздоры
и распри ролят.

В 1956 году мы заново обратились к драматургии Гусейна Джавида, этого вдохновенного романтика театра. Вместе с режиссером А. Искендеровым я осуществил в новой редакции постановку пьесы «Шейх Санан», которая долго не сходилась со сцены. Через год этот спектакль был поставлен и в Нахичеванском драматическом театре, а спустя восемь лет мне довелось работать над постановкой пьесы Гусейна Джавида «Сиявуш»...

Сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я могу сказать — у меня нет сомнения в том, что для каждого режиссера лучшей школой может стать драматургия Гусейна Джавида. Драматургия, где в изобилии есть и полнокровные характеры, и высокая поэзия, и романтика новой жизни.

Записала З. МУХИНА.

- 9
910
1982

Баккинни
рабочий
Бак